
Особенности личности и детско-родительских отношений несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления сексуального характера

Вартанян Г. А., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
(g.a.vartanyan@gmail.com)

Горбатов С. В., кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии здоровья и отклоняющегося поведения, Санкт-Петербургский государственный университет
(s.gorbatov@bk.ru)

Исследования агрессивного поведения подростков и сексуальной агрессии в частности в последнее время являются особенно актуальными и значимыми в современном обществе. Подтверждением этому служат данные криминологической статистики, по которой показатель несовершеннолетней преступности в Российской Федерации в последние годы сохраняется практически в одних и тех же пределах. Всестороннее изучение личности несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера (личностных особенностей, особенностей полового самосознания и детско-родительских отношений) на основе сравнительно-сопоставительного анализа с группой подростков, осужденных за преступление корыстно-насильственного типа, и группой школьников, формирующихся в социально благоприятной среде, позволило выявить их некоторые отличительные особенности. Полученные результаты позволяют предположить возможное взаимовлияние личностных особенностей и особенностей полового самосознания с особенностями детско-родительских отношений в группе несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, сексуальная агрессия, копинг-поведение, личность преступника, детско-родительские отношения.

Для цитаты:

Вартанян Г.А., Горбатов С.В. Особенности личности и детско-родительских отношений несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления сексуального характера. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 106-122. doi:

10.17759/psylaw.207070209

For citation:

Vartanyan G.A., Gorbatov S.V. Personality characteristics and parent-child relationships juveniles who commit violent crimes of a sexual nature. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.106-122. doi: 10.17759/psylaw.2017070209

Широкий научный и практический интерес в последние десятилетия проявляется в отношении насильственного и агрессивного поведения, что отмечается большинством специалистов. В частности, на это указывает в своей статье «Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения» профессор С.Н. Ениколопов [12]. Отдельное место отводится формам агрессивного поведения подростков, особый аспект которого представляет криминальная агрессия, лежащая в основе насильственного преступного посягательства на личность. В юридической психологии ее анализу посвящен ряд исследований. Так, А.Р. Ратиновым разработаны методологические основы криминальной агрессии [16]. По его мнению, агрессивность является свойством личности, при этом следует различать понятия агрессивности и агрессии. Агрессивность, по мнению А.Р. Ратинова, связана со структурой мотивационной сферы и спецификой системы ценностей личности, это личностная позиция, которая заключается в наличии деструктивных тенденций в области межличностных отношений, в готовности и предпочтении использовать насильственные средства для реализации своих целей. Агрессия же понимается как проявление агрессивности в деструктивных действиях, целью которых является нанесение вреда тому или иному лицу.

В целом, современные научные исследования и достижения в области изучения криминальной агрессии, на наш взгляд, можно условно разделить на несколько подгрупп. Первую подгруппу составят исследования проблем агрессивного поведения вообще и криминальной агрессии в частности, отраженные в работах А.М. Антоняна, В.В. Гульдана, М.И. Еникеева, С.Н. Ениколопова, Л.П. Колчиной, М.М. Коченова, И.А. Кудрявцева, А.Р. Ратинова, Н.А. Ратиновой, А.А. Реана, Е.В. Романина, С.Е. Рощина, Т.Г. Румянцевой, Ф.С. Сафуанова и др. Вторую подгруппу исследований занимают вопросы формирования и проявления сексуальной агрессии, отраженные в работах Г.Е. Введенского, П.Н. Ермакова, И.С. Кона, О.Ю. Михайловой, З. Старовича, Б.В. Шостаковича. Третья подгруппа включает работы, посвященные изучению механизмов и факторов совершения преступлений сексуального характера, изучению личностных особенностей преступников (Ю.М. Антонян, В.А. Верещагин, Т.Б. Дмитриева, М.И. Могачев, Б.В. Шостакович и др.). Объектом всех исследований, как правило, выступают взрослые преступники, а характерологические и поведенческие особенности несовершеннолетних в них практически не рассматриваются. Исключение составляют работы Е.Г. Дозорцевой, Н.В. Дворянчикова, С.С. Носова. В других работах, посвященных подростковой преступности, чаще всего рассматриваются особенности делинквентного поведения несовершеннолетних (М.А. Алемаскин, С.А. Беличева, А.И. Долгова, П.Н. Ермаков, Г.И. Забрянский, А.А. Кокуев, В.В. Королев, И.А. Кудрявцев, А.Е. Личко, Г.М. Миньковский, О.А. Потапенко, А.А. Реан, Д.И. Фельдштейн, А.М. Яковлев и др.), изучаются особенности и факторы групповых сексуальных преступлений, методы профилактики, разрабатываются программы коррекции личности преступников

(Ю.М. Антонян, Л.М. Балабанова, О.Ю. Михайлова, А.А. Ткаченко, Л.П. Кобышева, В.Ф. Пирожков, Ч. Чапур).

На наш взгляд, изучение характерологических и поведенческих особенностей несовершеннолетних преступников, в том числе с сексуальной агрессией, которая находит свое отражение в преступлениях сексуального характера, особенно актуально и значимо в современном обществе. Подтверждением тому служат данные криминологической статистики, согласно которой показатель несовершеннолетней преступности в Российской Федерации в последние годы сохраняется практически в одних и тех же пределах и составляет 5,0 % от всех правонарушений, т.е. это каждое 20-е преступление. Так, за насильственные преступления сексуального характера по официальным статистическим данным в 2015 году в Российской Федерации отбывали наказание 62 несовершеннолетних [18].

Каковы же причины возникновения у несовершеннолетних сексуальной агрессии? Теоретический анализ литературы показал, что потребность в сексуальной агрессии зачастую может возникать в связи с желанием отомстить окружающим за пережитое прежде насилие. Не является новым факт, что определенное количество лиц, в том числе подростков, совершающих сексуальные преступления, сами в прошлом были жертвами сексуального насилия. Некоторые исследователи отмечают, что среди подростков с сексуальной агрессией и совершающих насильственные преступления преобладают представители эпилептоидного, шизоидного и неустойчивого типов акцентуаций характера [5; 6; 7]. В частности, В.Л. Васильев указывает на распространенность среди юных насильников различных типов акцентуаций, агрессивных тенденций и выраженную несбалансированность нервных процессов [7].

Ю.М. Антонян и А.А. Ткаченко отмечают, что подростков с сексуальной агрессией характеризуют грубость, жестокость, циничность, потребительское отношение к окружающим, отсутствие чувства стыда, крайний примитивизм во взглядах на взаимоотношение полов и отсутствие субъективных преград на пути к достижению полового удовлетворения, что часто расценивается как элемент «ультрасовременности» [3].

По мнению ряда исследователей, для многих подростков с сексуальной агрессией характерны признаки преждевременного полового созревания, сексуальной напряженности и повышенной агрессивности [13]. В частности, существенное криминогенное значение подростковой гиперсексуальности отмечает Л. Старович.

С 2013 по 2016 гг. нами также было проведено исследование, построенное на изучении личностных особенностей, особенностей полового самосознания и детско-родительских отношений несовершеннолетних осужденных на основе сравнительно-сопоставительного анализа различных групп подростков. В процессе исследования мы использовали следующий комплекс взаимодополняющих методик:

1. Для изучения личностных особенностей:
 - 1.1 «Патохарактерологический диагностический опросник» А.Е. Личко, Н.Я. Иванова – для изучения типа акцентуации характера подростков и склонности к психопатии.

- 1.2 Проективная методика «Hand-test» («Тест руки») Э. Вагнера – для прогнозирования явного агрессивного поведения.
- 1.3 «Способы совладающего поведения» R. Lazarus и S. Folkman (в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, 2004) – для изучения копинг-поведения.
2. Проективная методика «ФПО» (фигура-поза-одежда) Д.К. Саламовой – для изучения полового самосознания и индивидуальных представлений о полоролевых нормах подростков, степени их усвоенности, структуры полоролевой идентичности, индивидуальных полоролевых предпочтений, а также особенностей сексуальных предпочтений.
3. Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» («Подростки о родителях») Е. Шафера (в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромициной) – для изучения установок, поведения и методов воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом возрасте. Методика позволяет описать отношения с родителем по наиболее общим проявлениям: доброжелательность, враждебность, автономия, директивность и непоследовательность родителя.

В исследовании приняли участие 54 подростка мужского пола в возрасте 16-17 лет.

Основную группу составили 36 несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (Ижевская ВК УФСИН России по Республике Удмуртия, Белореченская ВК УФСИН России по Краснодарскому краю, Колпинская ВК УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Можайская ВК УФСИН России по Московской области, Омская ВК УФСИН России по Омской области), в том числе 18 несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ), средний срок лишения свободы которых составляет 4 года 10 месяцев, и 18 несовершеннолетних, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа (ст. 105, 111, 158, 161, 162, 166 УК РФ), средний срок лишения свободы – 5 лет 2 месяца.

В группу сравнения вошли 18 несовершеннолетних школьников г. Омска, воспитывающихся в социально благополучных семьях.

Изучая типы акцентуаций характера и склонность к психопатии, мы выявили, что 33 % подростков, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, свойственен эпилептоидный тип акцентуации характера, еще у 33 % тип акцентуации не определен и по 6 % подростков характеризуют гипертимный, циклоидный, шизоидный и смешанный (промежуточный) шизоидно-истероидный, шизоидно-эпилептоидный, а также смешанный (амальгамный) гипертимно-истероидный типы акцентуаций характера.

При помощи специальных дополнительных шкал методики, используемых при решении отдельных вопросов медико-психологической диагностики, мы установили, что 29 % несовершеннолетних осужденных свойственна низкая конформность. Высокая конформность, напротив, характерна лишь для 6 % осужденных. Склонность к диссимуляции также характерна 6 % несовершеннолетних осужденных. Выраженная и очень сильная реакция эмансипации в самооценке подростков характерна для 22 % и 12 %

соответственно. Склонность к делинквентности и психологическая склонность к алкоголизации свойственна 18 % и 22 % несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера. Черты маскулинности преобладают в системе отношений у 70 % подростков, феминности – 12 %, наличие и маскулинных, и феминных черт в системе отношений характерно для 18 %. Риск социальной дезадаптации (включая высокий риск) характерен 22 % осужденным. Вероятность формирования психопатии выявлена у 41 % осужденных подростков. При этом следует учитывать, что по мнению авторов методики А.Е. Личко и Н.Я. Иванова, отсутствие признаков, свидетельствующих о вероятности формирования психопатии, не может свидетельствовать против клинического диагноза психопатии, поскольку в 30 % случаев эти признаки могут отсутствовать. В то же время, наличие указанных признаков не может быть прямым указанием в отношении психопатии и должно лишь расцениваться как один из доводов в пользу диагноза, а не как решающий диагностический фактор. Подростки, у которых выявлена вероятность формирования психопатии, нуждаются в более тщательном психологическом обследовании ввиду повышенного риска в отношении психопатического развития [14].

Риск депрессии диагностирован у 18 % осужденных; выраженный риск злоупотребления наркотиками и другими одурманивающими веществами – у 12 %; вероятность совершения истинных суицидальных попыток выявлена у 47 % подростков, демонстративных – у 24 %. 18 % осужденным свойственна амбивалентность, т.е. двойственное отношение к чему-либо, в особенности двойственность переживания, которая выражается в том, что один и тот же объект вызывает у подростков одновременно два противоположных чувства. Дискордантность характера – феномен, когда при диагностике определенного типа акцентуации характера одновременно оказывается достаточно высоким показатель такого типа, который с ним не совместим, – выявлена у 30 % осужденных. Так, выявлены смешанный (промежуточный) шизоидно-истероидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по циклоидному типу, смешанный (промежуточный) шизоидно-эпилептоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по лабильному типу, эпилептоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по психастеническому типу, смешанный (амальгамный) гипертимно-истероидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по эпилептоидному типу.

У несовершеннолетних, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа, так же, как и у несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, преобладает эпилептоидный тип акцентуации характера (29 %), у 59 % тип акцентуации характера не определен и по 6 % характеризуются астено-невротическим и сенситивным типами акцентуаций характера.

Низкая конформность свойственна 94 % осужденных. Склонность к делинквентности и психологическая склонность к алкоголизации характерны для 6 % и 39 % несовершеннолетних осужденных соответственно. Черты маскулинности преобладают в системе отношений 72 % подростков, феминности – у 11 %, наличие и маскулинных, и феминных черт в системе отношений выявлено у 6 %, не определено преобладание у 11 %. Высокий риск социальной дезадаптации характерен 6 % осужденным. Вероятность формирования психопатии выявлена у 30 % осужденных подростков, риск депрессии – у 60 %. Выраженный риск злоупотребления наркотиками и другими одурманивающими

веществами выявлен у 6 %; вероятность совершения истинных суицидальных попыток диагностирована у 60 % подростков, демонстративных – у 12 %.

Несовершеннолетним школьникам, формирующимся в социально благоприятных условиях, в большинстве случаев также свойственен эпилептоидный тип акцентуации характера (в 30 %), у 17 % школьников выявлен лабильный тип акцентуации, оставшимся подросткам свойственны сенситивный, психастенический, шизоидный, смешанные (промежуточный) шизоидно-эпилептоидный и шизоидно-психастенический, истероидный, гипертимный, неустойчивый и циклоидный типы (по 6 % соответственно). У 6 % подростков тип акцентуации характера не определен.

Используя специальные дополнительные шкалы методики, мы выявили, что 12 % школьников свойственна низкая конформность, 17 % – высокая. Склонность к диссимуляции характерна 12 % подростков. Выраженная, сильная и очень сильная реакция эмансипации в самооценке подростков выявлены у 18 % и по 6 % соответственно. Склонность к делинквентности характерна для 18 % школьников. Психологическая склонность к алкоголизации выявлена у 24 % подростков, причем у 11 % из них данный показатель характеризует не склонность к алкоголю, а стремление подростков выставить напоказ свою пристрастность к спиртному. Преобладание в системе отношений черт маскулинности характерно для 78 % подростков, феминности – для 17 %, наличие и маскулинных, и феминных черт в системе отношений – для 6 %. Риск социальной дезадаптации (включая высокий риск) характерен 56 % несовершеннолетних школьников. Вероятность формирования психопатии выявлена у 34 % подростков. Возможность органической природы формирования психопатии и акцентуации характера диагностирована у 17 % школьников. Как отмечают А.Е. Личко и Н.Я. Иванов, высокий показатель возможной органической природы формирования психопатии и акцентуации характера часто встречается при эпилептоидном типе акцентуации характера [14]. Риск депрессии диагностирован у 12 % школьников; выраженный и очень высокий риск злоупотребления наркотиками и другими одурманивающими веществами – у 44 %; вероятность совершения истинных суицидальных попыток выявлена у 39 % подростков, демонстративных – у 44 %. Также, используя специальные дополнительные шкалы методики, мы выявили, что 28 % школьников свойственна амбивалентность. Дискордантность характера выявлена у 44 % подростков – это эпилептоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по психастеническому типу; сенситивному типу; лабильному типу; гипертимному типу; сенситивный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по циклоидному типу; неустойчивому типу; шизоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по гипертимному и циклоидному типам; циклоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по психастеническому типу.

Подводя итог, следует отметить, что мы можем судить о некоторых существенных различиях в исследуемых группах. В частности, несмотря на то, что примерно у трети из каждой группы выявлен эпилептоидный тип акцентуации характера, оставшиеся две трети существенно отличаются. Так, у большинства осужденных подростков тип акцентуации характера не определен и не сформирован в отличие от школьников, формирующихся в социально благоприятной среде. Кроме того, у школьников достаточно широко представлен лабильный тип, не выявленный у осужденных вообще. Также выявлены различия по показателям, полученным при помощи специальных дополнительных шкал методики. Так, низкая конформность более свойственна (практически в 100 %) осужденным корыстно-

насильственного типа, в то время как высокая, напротив, более свойственна школьникам, формирующимся в социально благоприятной среде. Показатели социальной дезадаптации, а также риска злоупотребления наркотиками и другими одурманивающими веществами также более характерны школьникам. Риск совершения истинных суицидальных попыток наиболее характерен осужденным корыстно-насильственного типа, в то время как риск совершения демонстративных – школьникам. На наш взгляд, выявленные более высокие показатели социальной дезадаптации у школьников отражают не реальное положение дел, а характеризует условия, в которых в данный период времени находятся испытуемые подростки – «закрытые» у осужденных и «открытые» у школьников.

Используя методику «Hand-test» Э. Вагнера, мы выявили, что агрессивность в структуре личности свойственна всем трем группам подростков: 83 % несовершеннолетним, осужденным за насильственные преступления сексуального характера, 56 % несовершеннолетним корыстно-насильственного типа и 78 % школьникам, формирующимся в социально благоприятной среде. Мы предполагаем, что полученные данные могут свидетельствовать не об агрессивности как свойстве личности, а могут быть обусловлены психологическими особенностями возрастного периода.

Следующим этапом нашего исследования стало изучение копинг-поведения подростков.

Ситуации, субъективно переживаемые как трудные и нарушающие привычный ход жизни, возникают в жизни каждого человека. Справиться с трудной жизненной ситуацией и позволяет копинг-поведение – целенаправленное социальное поведение, являющееся важным для социальной адаптации человека и позволяющее как можно лучше его адаптировать к требованиям возникающей ситуации. Характер и способы функционирования личности в различных условиях социальной среды позволяют непосредственно сфокусировать внимание на проблеме регуляции поведения и его нарушениях [9]. Изучение копинг-поведения несовершеннолетних преступников представляется особенно актуальным и практически значимым, поскольку активное формирование копинг-стратегий происходит именно в подростковом возрасте, являющимся наиболее чувствительным к влиянию неблагоприятных факторов различного характера.

Так, при помощи методики «Способы совладающего поведения» R. Lazarus и S. Folkman мы выявили, что в стрессовых и фрустрирующих ситуациях элементами сознательного социального поведения, с помощью которых 39 % несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, справляются с жизненными трудностями, как правило, является стратегия дистанцирования. Данная стратегия предполагает снижение субъективной значимости возникающих трудностей и степени эмоциональной вовлеченности в них при использовании обесценивания, переключения внимания, отстранения, юмора и т.д. Положительными сторонами стратегии выступают возможность снижения субъективной значимости трудноразрешимых ситуаций и предотвращения интенсивных эмоциональных реакций на фрустрацию. В то же время при использовании данной стратегии высока вероятность обесценивания собственных переживаний, недооценка значимости и возможностей действительного преодоления трудных ситуаций. Кроме того, 44 % осужденных в ситуациях фрустрации в наименьшей степени используют стратегию планирования решения проблемы, предполагающую

целенаправленный анализ ситуации и возможных вариантов поведения, выработку стратегии разрешения трудностей, планирование собственных действий.

Несовершеннолетние осужденные корыстно-насильственного типа в стрессовых и фрустрирующих ситуациях, как правило, используют стратегии положительной переоценки и дистанцирования (по 17 %). Это означает, что помимо попыток снизить субъективную значимость возникающих трудностей, осужденные подростки стремятся положительно переосмыслить, рассмотреть возникающие трудности как стимул для личностного роста. Тем не менее, несмотря на очевидные положительные стороны стратегии, вероятность недооценки осужденными возможностей действительного разрешения трудных ситуаций может не способствовать их разрешению. Наименее используемыми стратегиями при преодолении стрессоров несовершеннолетними, осужденными за преступления корыстно-насильственного типа, являются стратегия самоконтроля и принятия ответственности (по 39 %). В стрессовых ситуациях данная группа подростков не стремится к самообладанию, контролю и сдерживанию эмоций и поведения, а также выбору стратегии поведения. Несовершеннолетние осужденные не стремятся к пониманию зависимости между собственными действиями и их последствиями, они не готовы анализировать свое поведение, искать причины актуальных трудностей в личных недостатках и ошибках.

В отличие от групп осужденных подростков, несовершеннолетние школьники, формирующиеся в социально благоприятной среде, справляются с жизненными трудностями, используя, как правило, адаптивные стратегии планирования решения проблемы и положительной переоценки (по 17 %). Целенаправленный анализ ситуации и возможных вариантов поведения, выработка стратегии разрешения трудностей, планирование собственных действий способствуют конструктивному разрешению трудностей. В то же время вероятность чрезмерной рациональности, недостаточной эмоциональности, интуитивности и спонтанности в поведении могут оказывать негативное влияние при разрешении трудностей. Кроме того, школьники стремятся положительно переосмыслить, рассмотреть возникающие трудности как стимул для личностного роста. Наименее используемой стратегией при преодолении стрессоров несовершеннолетними школьниками является стратегия самоконтроля (39 %).

Таким образом, нам удалось выявить определенные различия в копинг-поведении групп подростков. Основное заключается в том, что несовершеннолетние осужденные, как правило, используют неадаптивные копинг-стратегии в отличие от школьников. Результаты исследования копинг-поведения несовершеннолетних позволяют предполагать, что существует определенная зависимость между способностью к социализации личности и условиями ее воспитания.

Социализация и регуляция поведения неразрывно связаны и с психической адаптацией личности, в структуре которой особенно актуальным представляется изучение места психологического пола, поскольку пол является фундаментальной характеристикой, а его специфические особенности проявляются на всех уровнях функционирования каждого индивида. Половое самосознание является важным индикатором психологического здоровья, а искажения одного из его компонентов могут приводить к проблемам психического и соматического благополучия, защитных механизмов, супружеских отношений, проблемам нарушения полоролевого поведения, а также криминального поведения и половых отклонений [10].

В связи с этим для нас важно было изучить особенности полового самосознания несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, и сравнить данные показатели с показателями других групп испытуемых. При помощи методики «ФПО» Д.К. Саламовой нам удалось выявить следующие особенности: формирование полового самосознания (полоролевая идентичность, психосексуальная ориентация, сексуальное предпочтение) всех трех групп подростков соответствует возрастным особенностям. Особенности восприятия мужских и женских признаков при выраженности разных атрибутов пола у 100 % осужденных подростков не нарушены, в то время как по 6 % школьников, формирующихся в социально-благоприятной среде, испытывают сложности при восприятии мужских и женских признаков соответственно.

Все подростки четко дифференцируют мужские и женские признаки при опоре на формальные признаки пола (одежда) и признаки, объективно отражающие половые различия (поза, фигура). Сложности дифференциации при опоре на позу и фигуру, как признаки, объективно отражающие половые различия, обнаруживаются лишь у некоторых испытуемых: при восприятии мужских признаков у 6 % несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления сексуального характера, 12 % несовершеннолетних осужденных за преступления корыстно-насильственного типа; отдельно при опоре на фигуру – у 12 % школьников, позу – у 6 % школьников, а также на одежду, как формальный признак, также у 6 % школьников. При восприятии женских признаков сложности в дифференциации при опоре на фигуру и позу выявлены у 12 % несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления сексуального характера, 6% несовершеннолетних осужденных за преступления корыстно-насильственного типа и 17 % школьников при опоре только на фигуру, а также у 6 % при опоре на одежду.

При выявлении сформированности у испытуемых подростков Я-концепции получены следующие результаты: у большинства подростков всех трех групп Я-концепция не сформирована (50 %, 94 % и 56 %), при этом наибольший показатель несформированности отмечается у осужденных за преступления корыстно-насильственного типа (94 %). Внутри групп показатели распределились следующим образом:

1) у подростков, осужденных за насильственные преступления сексуального характера: у 17 % в равной степени выражены мужские, женские и недифференцированные по полу признаки, еще у 17 % – мужские и недифференцированные и по 6 % осужденных обнаруживают выраженность недифференцированных по полу признаков; выраженность мужских и женских признаков; а также равную степень мужских и женских признаков. Сформированность Я-концепции и преобладание в ней мужских признаков свойственно 28 % несовершеннолетних осужденных, женских – 6 %. Для оставшихся 17 % осужденных подростков характерна несформированность Я-концепции, однако, мы можем сделать вывод о преобладании в ней в большей степени мужских признаков.

2) у подростков, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа: у 72 % в равной степени в Я-концепции выражены мужские, женские и недифференцированные по полу признаки, по 6 % обнаруживают выраженность недифференцированных признаков; женских и недифференцированных; женских и мужских и низкий показатель всех трех. Сформированность Я-концепции и преобладание в ней женских признаков свойственна 6 % несовершеннолетних осужденных.

3) у школьников, формирующихся в социально благоприятной среде: не сформирована Я-концепция, но в наибольшей степени в ней выражены мужские признаки у 55 % школьников. Сформированность Я-концепции и преобладание в ней мужских признаков характерна 27 % школьников; преобладание недифференцированных; женских и мужских; женских, мужских и недифференцированных по полу признаков в Я-концепции свойственна оставшимся подросткам (по 6 % соответственно).

При выявлении сформированности у испытуемых подростков полоролевых предпочтений получены следующие результаты: у большинства подростков всех трех групп полоролевые предпочтения не сформированы (56 %, 100 % и 50 %), при этом наибольший показатель несформированности отмечается у осужденных за преступления корыстно-насильственного типа (100 %). Внутри групп показатели распределились следующим образом:

1) у подростков, осужденных за насильственные преступления сексуального характера: у 22 % полоролевые предпочтения характеризуются направленностью на мужской пол и у еще 22 % – на женский.

2) у подростков, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа: полоролевые предпочтения не выражены и в равной (средней) степени направлены на мужской, женский и недифференцированный по полу объекты у 78 % и на женский и недифференцированный у 6 %. У оставшихся осужденных полоролевые предпочтения характеризуются направленностью в равной (низкой) степени на мужской, женский и недифференцированный по полу объекты; женский и недифференцированный объекты, а также недифференцированный (по 6 % соответственно).

3) у школьников, формирующихся в социально благоприятной среде: не выражены и в равной (средней) степени направлены на мужской, женский и недифференцированный по полу объект у 22 %; не выражены, но в большей степени направлены на мужской пол – у 28 %. У остальных подростков полоролевые предпочтения сформированы: у 28 % они направлены мужской пол; у 12 % – на женский; на недифференцированный, а также на мужской и женский в равной степени – по 6 % соответственно.

При изучении восприятия объекта сексуального предпочтения получены следующие результаты: у большинства подростков всех трех групп восприятие объекта сексуального предпочтения не сформировано (67 %, 100 % и 95 %), наибольший показатель несформированности также отмечается у осужденных за преступления корыстно-насильственного типа (100 %). Внутри групп показатели распределились следующим образом:

1) у подростков, осужденных за насильственные преступления сексуального характера: восприятие объекта сексуального предпочтения направлено на мужской пол у 17 %, еще у 17 % – в равной степени направлено на мужской, женский и недифференцированный по полу объект.

2) у подростков, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа: в равной степени направлено на мужской, женский и недифференцированный по полу объект у 72 % осужденных; также на все три объекта в равной (низкой) степени – у 17 %

осужденных; и по 6 % осужденных – в низкой степени на мужской и недифференцированный по полу объект.

3) у школьников, формирующихся в социально благоприятной среде: в равной (средней) степени направлено на мужской, женский и недифференцированный по полу объект у 28 % подростков; также на все три объекта в равной (низкой) степени – у 67 % подростков. Восприятие объекта сексуального предпочтения сформировано лишь у 6% подростков и направлено на мужской пол.

Подводя итог, мы можем отметить, что несовершеннолетним, осужденным за насильственные преступления сексуального характера, свойственны следующие особенности полового самосознания: нарушение формирования полового самосознания, проявляющееся в несформированности Я-концепции, несформированности сексуального предпочтения, его направленности на мужской пол. Важно отметить, что нарушения половой идентичности в онтогенезе выступают одним из условий формирования аномального сексуального влечения, при котором могут быть структурные и содержательные искажения полоролевой идентичности – фемининность полоролевой идентичности, идентификация с женскими полоролевыми стереотипами, недостаточная эмоциональная усвоенность мужской половой роли, недифференцированность паттернов полоролевого поведения по маскулинности и т.д. [4]. Кроме того, психосексуальная ориентация и сексуальные предпочтения прочно устанавливаются именно в подростковом возрасте, поэтому выявленные тенденции могут свидетельствовать о трудностях усвоения мужской половой роли и выступать одним из возможных факторов противоправного сексуального поведения.

Выше мы уже отмечали, что предполагаем определенную зависимость между условиями воспитания и особенностями характерологических и личностных особенностей несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера.

Поэтому следующим этапом нашего исследования было изучение установок, поведения и методов воспитания родителей так, как видят их подростки.

Прежде всего, стоит отметить, что не имеют матери 6 % осужденных за насильственные преступления сексуального характера и 6 % школьников, формирующихся в социально благоприятной среде; отца – 33 % несовершеннолетних, осужденных за преступления сексуального характера, 6 % осужденных корыстно-насильственного типа и 18 % несовершеннолетних школьников. Кроме того, 6 % осужденных за преступления сексуального характера воспитываются в полной семье, но при разговоре о родителях демонстрируют напряженность, нежелание о них говорить, поэтому опросники не заполнялись.

Позитивный интерес со стороны матери к себе отмечают 56 % осужденных подростков. В таком случае психологическое принятие матери осужденные видят в относительно критическом подходе к себе, испытывая необходимость в ее помощи и поддержке, в большинстве случаев принимая ее мнение и соглашаясь с ней. Они стремятся к сверхопеке сильного и самостоятельного взрослого. 44 % подростков отмечают со стороны матери высокую заинтересованность и тотальный контроль.

Для 44 % несовершеннолетних осужденных проводимая отцами линия воспитания является непоследовательной, что проявляется в непредсказуемости, невозможности предвидеть, как отец отреагирует на ту или иную ситуацию – подвергнет суровому наказанию за мелкие проступки или наоборот, легкому за что-нибудь существенное. 33 % подростков чувствуют со стороны отца преимущественное отвержение.

Также позитивный интерес со стороны матери отмечают 61 % осужденных корыстно-насильственного типа. Еще 61 % отмечают директивность со стороны матери к себе, которую они видят в навязывании им чувства вины по отношению к ней, поскольку она берет на себя ответственность за все их действия. Матерью как бы утверждается изначальная зависимость ее статуса и оценки окружающих от соответствия подростков эталону ребенка. По мнению осужденных, мать стремится любым способом исключить их неправильное поведение, чтобы «не ударить в грязь лицом». Враждебность со стороны матери чувствуют еще 61 % несовершеннолетних осужденных, которая, по их мнению, характеризуется агрессивностью и чрезмерной строгостью матери в межличностных отношениях. Подросткам кажется, что мать ориентирована на себя, а их она воспринимает как соперника. Так, эмоциональная холодность к подростку зачастую может маскироваться и выдаваться за сдержанность, скромность, следование этикету, в то же время может наблюдаться выраженная подозрительность, склонность к чрезмерной критике в адрес сына, несмотря на то, что постоянно (в основном, вербально) демонстрируется ответственность за судьбу сына. Также 61 % несовершеннолетних осужденных за преступления корыстно-насильственного типа, отмечают высокую заинтересованность и тотальный контроль со стороны матери.

Со стороны отца 61 % несовершеннолетних осужденных отмечают позитивный интерес, который рассматривается ими как отсутствие грубой силы, стремления к нераздельной власти в общении. В таком случае психологическое принятие сына отцом основано на доверии. Сыновья и отцы в таких отношениях стремятся находить истину в споре, прислушиваясь к различным аргументам. 56 % осужденных подростков отмечают директивность со стороны отцов, которая, по их мнению, проявляется в форме тенденции отца к лидерству, завоевания авторитета, основанного на фактических достижениях и доминантном стиле общения. Власть отца над сыном выражается в управлении и своевременной коррекции поведения ребенка, исключая амбициозную деспотичность. В таких отношениях отцы очень четко дают понять ребенку, что ради его благополучия жертвуют некоторой имеющейся у них частичкой власти; что они стремятся решать все мирно. И 44 % несовершеннолетних осужденных отмечают со стороны отца высокую заинтересованность и тотальный контроль.

Со стороны матери 39 % школьников, формирующихся в социально благоприятной среде, отмечают позитивный интерес и проявление теплых чувств и принятие. Со стороны отцов по 28 % школьников чувствуют позитивный интерес и непоследовательность проводимой линии воспитания, об особенностях которых также упоминалось выше. 39 % школьников отмечают проявление теплых чувств и принятие со стороны отца.

Подводя итог, мы можем проследить, что условия воспитания несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления сексуального характера, отличаются от условий воспитания несовершеннолетних осужденных корыстно-насильственного типа и школьников, формирующихся в социально благоприятной среде. В частности, мы можем отметить, что стиль воспитания родителей не согласован между собой, а взаимоотношения

с матерью носят скорее зависимый характер, в то время как со стороны отца осужденные подростки чувствуют преимущественное отвержение, а также непоследовательность применяемых ими воспитательных мер.

Таким образом, всестороннее изучение личности несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, на основе сравнительно-сопоставительного анализа с различными группами подростков позволило выявить некоторые особенности изучаемой группы, среди которых: эпилептоидный тип акцентуации характера, дискордантность характера; агрессивность в структуре личности; использование неадаптивных копинг-стратегий; нарушение формирования полового самосознания (несформированность Я-концепции, несформированность сексуального предпочтения, его направленность на мужской пол); не согласованный стиль воспитания родителей между собой, зависимый характер взаимоотношений с матерью, преимущественное отвержение и непоследовательность применяемых отцом воспитательных мер.

Полученные данные могут использоваться в дальнейшей работе для изучения взаимовлияния личностных особенностей и особенностей полового самосознания с особенностями детско-родительских отношений. Результаты исследования позволят решить прогностические, профилактические и коррекционные задачи и определить различные механизмы криминального поведения несовершеннолетних преступников.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Сексуальная преступность // Насильственная преступность в России. РАН. ИНИОН и др. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. М., 2001. С. 34–56.
2. *Антонян Ю.М.* Об истоках формирования личности преступника // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осужденных. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 1990. С. 123–314.
3. *Антонян Ю.М., Ткаченко А.А.* Сексуальные преступления: Научно-популярное исследование. М.: Амальтея, 1993. 320 с.
4. *Белопасова Е.В., Дворянчиков Н.В.* Психосексуальное развитие и полоролевая идентификация у несовершеннолетних, совершивших сексуальные правонарушения // Сексология и сексопатология. 2005. № 2. Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии.
5. *Вартанян Г.А.* Психологические особенности несовершеннолетних осужденных за преступления сексуального характера // Молодёжь третьего тысячелетия: XXXV региональная научно-практическая студенческая конференция: тез. докл. (г. Омск, 20 апреля 2011 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 440 с.
6. *Вартанян Г.А., Горбатов С.В.* Особенности личности подростков, осужденных за преступления на сексуальной почве // Психология XXI века: пути интеграции в международное научное и образовательное пространство: Материалы международной научной конференции молодых ученых: сборник статей (г. Санкт-Петербург, 17–19 апреля 2014 г.). СПб.: Скифия-Принт, 2014.

7. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. С.П.: «Питер», 2000. 391 с.
8. *Верещагин В.А.* Особенности личности и поведения лиц, совершающих изнасилования // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осужденных. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 1990. С. 22–32.
9. *Горбатов С.В., Шукайло В.В.* Особенности совладающего поведения несовершеннолетних преступников // Психология XXI века: Материалы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов «Психология XXI века» (г. Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2005 г.) / Под ред. В.Б. Чеснокова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005.
10. *Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К.* Половое самосознание и методы его диагностики: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 210 с.
11. *Дмитриева Т.Б., Могачев М.И., Шостакович Б.В.* Личность серийных насильников // Механизмы человеческой агрессии. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 2000. С. 37–55.
12. *Ениколопов С.Н.* Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.
13. *Жмуров Д.В.* Сексуальная агрессия несовершеннолетних. Иркутск: Современность в творчестве вузовской молодежи: сборник научных трудов молодых ученых. 2006. № 8. С. 56–67.
14. *Иванов Н.Я., Личко А.Е.* Патохарактерологический диагностический опросник для подростков. Методическое пособие. Серия: Выпуск 10. 2–е изд. М.: «Фолиум», 1995. 64 с.
15. *Павлов А.Р.* Многоэпизодные сексуальные убийства // Современная преступность: новые исследования. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 1993. С. 80–90.
16. *Рапинов А.Р.* К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1981. С. 67–86.
17. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. С. 236–242.
18. Состояние преступности – январь-декабрь 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/7087734> (дата обращения: 30.09.2016).

Personality characteristics and parent-child relationships juveniles who commit violent crimes of a sexual nature

Vartanyan G.A., PhD-student, Psychology department, Saint-Petersburg State University (g.a.vartanyan@gmail.com)

Gorbatov S.V., PhD in Psychology, Associate Professor, Department of health psychology, and deviant behavior, St. Petersburg State University (s.gorbatov@bk.ru)

Studies of aggressive behavior of teenagers and sexual aggression in particular in the last time are particularly relevant and valuable in modern society. This is confirmed by the data of criminological statistics, according to which the rate of minor crime in the Russian Federation in recent years has virtually the same range. A comprehensive study of the person of a minor convicted of violent crimes of a sexual nature (personal characteristics, characteristics of sexual identity and parent-child relationship) on the basis of comparative analysis with a group of teenagers convicted of the crime of mercenary-violent type, and a group of students emerging in socially favourable environment, enabled them to identify some distinctive features. The obtained results allow to suggest a possible mutual influence of personal characteristics and characteristics of sexual identity with the peculiarities of child-parent relationships in a group of juveniles convicted for violent crimes of a sexual nature.

Key words: juvenile offenders, sexual aggression, coping behavior, personality of the offender, parent-child relationships.

References

1. Antonyan Yu.M. Seksual'naya prestupnost'. Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii. RAN. INION i dr. Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu v Rossii i za rubezhom. [Topical issues of combating crime in Russia and abroad]. Moscow, 2001. Pp. 34–56.
2. Antonyan Yu.M. Ob istokakh formirovaniya lichnosti prestupnika. Lichnost' prestupnika i voprosy ispravleniya i perevospitaniya osuzhdennykh. Sbornik nauchnykh trudov VNII MVD [Personality of the criminal and issues of correction and re-education of convicts]. Moscow, 1990. Pp. 123–314.
3. Antonyan Yu.M., Tkachenko A.A. Seksual'nye prestupleniya: Nauchno-populyarnoe issledovanie [Sexual crimes]. Moscow, Amal'teya, 1993. 320 p.
4. Belopasova Ye.V., Dvoryanchikov N.V. Psikhoseksual'noye razvitiye i polorolevaya identifikatsiya u nesovershennoletnikh, sovershivshikh seksual'nyye pravonarusheniya // Seksologiya i seksopatologiya. 2005. № 2. Sbornik tezisov uchastnikov

mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii po yuridicheskoy psikhologii.

5. Vartanyan G.A. Psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh za prestupleniya seksual'nogo kharaktera. Molodezh' tret'ego tysyacheletiya: XXXV regional'naya nauchno-prakticheskaya studencheskaya konferentsiya: tez. dokl. (g. Omsk, 20 aprelya 2011 g.) [The youth of the third millennium: XXXV regional scientific-practical student conference: abstracts]. Omsk: Publ. Om. gos. un-ta, 2011. 440 p.
6. Vartanyan G.A., Gorbatov S.V. Osobennosti lichnosti podrostkov, osuzhdennykh za prestupleniya na seksual'noi pochve. Psikhologiya XXI veka: puti integratsii v mezhdunarodnoe nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh: sbornik statei (g. Sankt-Peterburg, 17–19 aprelya 2014 g.) [Psychology of the XXI century: ways of integration into the international scientific and educational space: Proceedings of the International Scientific Conference of Young Scientists: anatracta]. SPb.: Skifiya-Print, 2014.
7. Vasil'ev V.L. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. S.P.: «Piter», 2000. 391 p.
8. Vereshchagin V.A. Osobennosti lichnosti i povedeniya lits, sovershayushchikh iznasilovaniya. Lichnost' prestupnika i voprosy ispravleniya i perezovspitaniya osuzhdennykh. Sbornik nauchnykh trudov VNII MVD [Personality of the criminal and issues of correction and re-education of convicts]. Moscow, 1990. Pp. 22–32.
9. Gorbatov S.V., Shukailo V.V. Osobennosti sovladayushchego povedeniya nesovershennoletnikh prestupnikov. Psikhologiya XXI veka: Materialy Mezhdunarodnoi mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i aspirantov «Psikhologiya XXI veka». Pod red. V.B. Chesnokova (g. Sankt-Peterburg, 22–24 aprelya 2014 g.) [Psychology of the XXI Century: Proceedings of the International Interuniversity Scientific and Practical Conference of Students and Post-Graduate Students «Psychology of the 21st Century»]. SPb.: Publ. S.-Peterburgskogo universiteta, 2005.
10. Dvoryanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki: Uchebnoe posobie. [Sexual self-awareness and methods of its diagnosis]. Moscow: FLINTA, Nauka, 2011. 210 p.
11. Dmitrieva T.B., Mogachev M.I., Shostakovich B.V. Lichnost' seriinykh nasil'nikov. Mekhanizmy chelovecheskoi agressii. Sbornik nauchnykh trudov VNII MVD [Mechanisms of human aggression]. Moscow, 2000. Pp. 37–55.
12. Enikolopov S.N. Aktual'nye problemy issledovaniya agressivnogo povedeniya. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]. 2010. № 2. Pp. 37–47.
13. Zhmurov D.V. Seksual'naya agressiya nesovershennoletnikh. Irkutsk: Sovremennost' v tvorchestve vuzovskoi molodezhi: sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh [Modernity in creativity of university youth]. 2006. № 8. Pp. 56–67.
14. Ivanov N.Ya., Lichko A.E. Patokharakterologicheskii diagnosticheskii oprosnik dlya podrostkov. Metodicheskoe posobie. Seriya: Vypusk 10. 2–e izd. [Patho-character diagnostic questionnaire for adolescents]. Moscow: «Folium», 1995. 64 p.

15. Pavlov A.R. Mnogoevizodnye seksual'nye ubiistva. Sovremennaya prestupnost': novye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov VNII MVD [Modern crime: new research]. Moscow, 1993. Pp. 80–90.
16. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika // Aktual'nyye problemy ugolovnogo prava i kriminologii. M., 1981. Pp. 67–86.
17. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. Sudebnaya seksologiya [Forensic sexology]. Moscow: Meditsina, 2001. Pp. 236–242.
18. Sostoyanie prestupnosti –yanvar'-dekabr' 2015 goda. [Elektronnyi resurs] [Crime status January-December 2015]. Ofitsial'nyi sait Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://mvd.rf/folder/101762/item/7087734> (accessed 30.09.2016).